37. 80. 5. 60

БИБЛІОТЕКА

Другъ школы.

Л. А. Чарская.

I.

ЗА ЦАРЯ И РОДИНУ.

II.

ГЕРОЙ.

Цѣна 20 коп.

Л. А. ЧАРСКАЯ.

ИПБ
1915 г

За Царя и Родину.

ГЕРОЙ.

Разсказы
изъ современныхъ событій.

Петроградъ.
Изданіе К. Н. Губинскаго.

Типографія К. Н. Губинскаго. Петроградъ. Загородный, 58.

За Царя и Родину.

Разсказъ изъ современныхъ событій.

I.

Такъ это все странно и неожиданно вышло... Жоржикъ, милый, славный, жизнерадостный Жоржикъ, получилъ внезапно предписанье выступать со своимъ полкомъ. Куда выступать— неизвѣстно. Только мѣсяцъ назадъ его выпустили вмѣстѣ съ другими счастливцами-молоденькими офицерами изъ юнкерскаго училища. Только мѣсяцъ назадъ они всѣ. радостно взволнованные и возбужденно настроенные, удостоились слышать напутственное слово обожаемаго Монарха, и радостный, счастливый, ликующій Жоржикъ, надѣвъ впервые блестящіе, съ иголочки, новенькіе офицерскіе погоны, вспыхивая до ушей, небрежно козырялъ отдававшимъ ему честь солдатамъ. И вотъ, выступленіе. Секретное предписаніе полку, бумага...

Еще какъ будто вчера только звучали драгоцѣнныя слова Монарха. которыхъ никто изъ нихъ никогда не забудетъ: „Служите вѣрой и правдой Мнѣ и Родинѣ“. Только какъ будто вчера Государь поздравилъ ихъ съ производствомъ, а сегодня уже въ походъ, прямо на театръ военныхъ дѣйствій и, по всей вѣроятности, въ самое

крошево стычекъ и битвъ. Непріятель... сраженія... Можетъ быть, отличія... можетъ быть... Но черныя мысли не посѣщаютъ бѣлокурой, подъ первый номеръ остриженной, головы Жоржика. Имъ нѣтъ мѣста среди свѣтлыхъ, жизнерадостныхъ грезъ, полныхъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Такъ давно накипѣла желчь противъ враговъ дорогой родины, такъ рвалась душа отплатить, наказать ихъ за нечестное отношеніе къ единокровному славянству; такъ неудержимо тянуло туда, впередъ, постоять за правое дѣло, встать какъ одинъ человѣкъ на защиту попираемой славянской чести.

Еще тамъ, въ училищѣ, загорѣлось, въ связи съ послѣдними событіями, пламя въ груди. Какъ жадно слѣдили всѣ они за этими событіями, послѣдовавшими за сараевскимъ убійствомъ! Какъ горѣли молодые умы! Какъ бились и трепетали молодыя сердца! И вотъ, наконецъ, атмосфера разрядилась. Австрія представила ноту сербскому правительству, непріемлемую въ нѣкоторыхъ ея пунктахъ свободнымъ народомъ, уважающимъ свою національную честь.

И началась война между Австріей и Сербіей, а одновременно съ нею и блокада австрійцами беззащитнаго Бѣлграда. Здѣсь же, въ столицѣ Россіи, на улицахъ Петрограда пошли непрерывныя манифестаціи въ честь братьевъ-славянъ. Потомъ началась и мобилизація, такъ какъ Австрія, въ союзѣ съ Германіей, главной зачинщицей этой войны, старавшейся науськать австрійцевъ на маленькое сербское королевство,

послала этимъ вызовъ нашей дорогой родинѣ, постоянной защитницѣ славянскихъ народовъ. Само собою разумѣется, что мы, видя боевыя приготовленія Австріи и, главнымъ образомъ, ближайшей нашей сосѣдки Германіи, должны были, въ ожиданіи ихъ нападенія на насъ, приготовиться достойно встрѣтить угрожающихъ намъ враговъ. И вотъ, кичливый Вильгельмъ, не пожелавшій тишины и мира, давнымъ-давно завидовавшій могуществу и силѣ Россіи, первый бросилъ боевую перчатку русскому правительству. Россіи оставалось съ достоинствомъ ее поднять.

И, вслѣдъ за тѣмъ, начался какой-то восторженный сумбуръ. Снова пошли непрерывныя манифестаціи. Зазвучали торжественные звуки гимновъ на улицахъ и подъ кровлями общественныхъ учрежденій, чередующіеся съ громовыми, долго несмолкающими криками „ура“. То здѣсь, то тамъ стали произносить восторженныя рѣчи; особенно часто говорились онѣ передъ балконами посольствъ дружественныхъ намъ государствъ. Посланники выходили на балконы и раскланивались народу, отвѣчая рѣчами на теплыя привѣтствія толпы. На каждомъ шагу устраивали овація встрѣчнымъ офицерамъ. Останавливали ихъ экипажи, автомобили и извозчичьи скромныя пролетки, подхватывали сидящихъ въ нихъ офицеровъ на руки и качали ихъ подъ дружное оглушительное „ура“. Всюду теперь была сутолока и суматоха. Въ магазинахъ офицерскихъ и солдатскихъ вещей торговля въ эти дни шла

особенно бойко. Еще болѣе бойко и ретиво торговали газетчики. Выходили, то и дѣло, новые выпуски газетъ, несущихъ свѣжія извѣстія. Поговаривали о второмъ врагѣ Россіи. Австріи, которая слѣдомъ за Германіей должна была вотъ-вотъ, со дня на день, объявить намъ войну. Говорили о дружественномъ соглашеніи трехъ націй: Россіи, Англіи и Франціи, и опять звучалъ, не смолкая отъ зари до зари, знакомый и дорогой каждому русскому сердцу гимнъ „Боже, Царя храни", чередующійся съ громкимъ, подолгу несмолкаемымъ „ура".

II.

Семья Жоржика невелика. Мать, величавая, спокойная, всегда грустная и задумчивая, всегда погруженная въ печальныя мысли о своемъ горѣ. Она—вдова героя, павшаго на полѣ брани въ послѣднюю русско-японскую войну. Съ ними еще живутъ двѣ тетки—родныя сестры покойнаго отца; затѣмъ Жоржикъ, голубоглазый тоненькій, совсѣмъ еще юный и хрупкій по виду, но съ упорнымъ профилемъ и энергичной упрямой складкой у рта, унаслѣдованными имъ отъ отца, и Леля, вѣчно ликующая, радостная, смѣющаяся четырнадцатилѣтняя дѣвчурка, „красное солнышко" семьи.

При первомъ же извѣстіи о войнѣ, въ семьѣ Кубанскихъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ семьяхъ, все перевернулось вверхъ дномъ. Забывались часы обѣдовъ и ужиновъ, ежечасно покупались экстренныя добавленія всевоз-

можныхъ газетъ. Нанимали таксомоторъ и ѣздили смотрѣть на манифестаціи всей семьею. Мать попрежнему была тиха и печальна, еще глубже замкнулась въ своемъ горѣ, особенно ярко выступившемъ въ ея памяти въ дни приготовленія къ новой войнѣ; тетки, поминутно охающія, испуганныя и взволнованныя страхомъ передъ боевою грозою и, наконецъ, Лелечка, негодующая, гнѣвная, вся такъ и искрящаяся молодымъ задоромъ.

— Германія—войну намъ? Вильгельмъ на насъ? Пруссаки осмѣлились? Да вѣдь это... это...—и, не находя словъ, Лелечка топала ногами, сверкала глазками и разбила, въ концѣ концовъ, алебастровую статуетку Вильгельма, а слѣдомъ за нею уничтожила и открытку съ изображеннымъ на ней Францемъ-Іосифомъ, императоромъ австрійскимъ, и до хрипоты кричала вмѣстѣ съ манифестантами „ура“ и „живіо“ передъ сербскимъ посольствомъ.

Относительно Жоржика, котораго она, кстати сказать, боготворила съ дѣтства, Лелечка была совершенно спокойна. Выпущенный въ гвардію, Жоржикъ никакъ не могъ быть взятымъ сразу на театръ военныхъ дѣйствій. По слухамъ, гвардія, пока-что, оставалась въ Петроградѣ. Правда, на долю Жоржика выпала тьма работы по пріему и сдачѣ запасныхъ, безконечное сидѣнье надъ записями въ канцеляріи воинскаго начальника, и только поздно вечеромъ, и то рѣдко, Лелечкѣ удавалось мелькомъ повидать брата, когда тотъ, полуживой отъ усталости и голода, пріѣзжалъ домой перекусить и

отдохнуть немного, чтобы снова съ разсвѣтомъ мчаться туда, гдѣ лихорадочно кипѣла работа и люди не спали надъ записями возвращающихся изъ запаса въ дѣйствующую армію запасныхъ солдатъ цѣлую долгую ночь. Но все же Лелечку бодрило и радовало сознаніе, что Жоржикъ здѣсь, около нея, дома, что онъ живъ, здоровъ, внѣ всякой опасности и находится подъ родной кровлей.

И Лелечка засыпала спокойная за своего любимца-брата въ эти ночи.

Лелечка воспитывалась на казенный счетъ въ институтѣ, какъ дочь героя, павшаго на войнѣ. Отца своего она помнила прекрасно. Ей было уже около пяти лѣтъ, когда она его потеряла. Никогда не забудетъ она, Лелечка, того ужаснаго дня, когда ея мать, вернувшись однажды изъ главнаго штаба, куда ѣздила ежедневно за справками объ отцѣ съ самаго перваго дня войны и его отъѣзда на дальній востокъ, вошла въ гостиную съ бѣлымъ, какъ мѣлъ, лицомъ. Въ гостиной сидѣли тогда двѣ тетки, тетя Юля и тетя Зина, маленькій Жоржикъ, которому тогда было всего девять лѣтъ, и она крошка Лелечка. Мама вошла и, прошептавъ беззвучно: „молитесь за папу, дѣти, его уже нѣтъ въ живыхъ“, безъ чувствъ грохнулась на полъ. Лелечка смутно помнитъ, что было потомъ. Тетки Юля и Зина, поминутно впадая въ слезы, хлопотали около матери. Прислуга бѣгала и суетилась съ нашатырнымъ спиртомъ и водою. Сама же крошка Лелечка, забившись куда-то въ уголъ, повторяла, плача больше отъ страха:

— Папочка! Папочка! Я хочу папочку!—И тогда-то, Жоржикъ, большеглазый, хрупкій, какъ дѣвочка, бѣлокурый Жоржикъ, подошелъ къ сестренкѣ, положилъ ей на плечи свои худенькія ручки и, заставивъ поднять малютку залитое слезами лицо, произнесъ строго и серьезно, тономъ вполнѣ взрослаго человѣка:

— Перестань плакать сейчасъ же, слышишь? Папочку жалко, а только и мамочку пожалѣть надо. Видишь, какое съ нею случилось. А если кричать и плакать будешь, то и она умретъ.

Что-то было такое въ тонѣ и голосѣ этого девятилѣтняго малютки, отъ чего мигомъ высохли слезы Лелечки, и она довѣрчиво прижалась головкой къ плечу брата. Съ этого самаго дня и началась между малютками самая нѣжная, самая трогательная дружба, окрѣпшая съ годами. Въ домѣ же, со смертью отца, пошла совсѣмъ новая жизнь. Мать, какъ будто закаменѣла въ своемъ горѣ и не пролила ни одной слезинки по дорогомъ усопшемъ. Только строже и замкнутѣе стало ея блѣдное, похожее теперь на мраморное, съ застывшими чертами, лицо. И тетки притихли, нося теперь въ сердцахъ постоянную горечь потери. Затаилъ въ себѣ что-то съ этого дня и маленькій Жоржикъ. Онъ сталъ просить взять его изъ Анненской школы, гдѣ учился въ младшемъ классѣ, и перевести въ корпусъ. Теперь Жоржикъ бредилъ боями, стычками и маршами. распѣвалъ боевыя пѣсни и мечталъ о войнѣ. Забавный, остриженный наголо, со своими корпусными любимыми кадетскими выраженіями и словечками, съ безконечными разсказами о томъ, какъ они „разы-

грали“ нелюбимаго преподавателя, или какъ имѣли счастье лицезрѣть обожаемаго Государя и заслужить, въ Его пріѣздъ, Царское спасибо, Жоржикъ проводилъ теперь съ сестрою только рѣдкіе часы досуга. Но его разсказы о корпусной жизни, о товарищахъ-кадетахъ и успѣхахъ, ловились на-лету жадными ушами Лелечки. И кадетъ-братишка представлялся дѣвочкѣ какимъ-то высшимъ, необыкновеннымъ существомъ. Потомъ и Лелечку отдали въ закрытое учебное заведеніе. Каждый праздникъ можно было наблюдать марширующаго по направленію института Жоржика, спѣшившаго на пріемъ къ сестрѣ. И опять шла безконечно милая болтовня между ними вплоть до самаго звонка, возвѣщавшаго о прекращеніи воскреснаго свиданія съ родными, и братъ съ сестрою съ грустью разставались, обѣщая встрѣтиться снова въ первый же праздничный день. Дѣти подростали, и съ каждымъ годомъ крѣпла ихъ трогательная, задушевная дружба. Жоржикъ прекрасно кончилъ свое образованіе въ корпусѣ и поступилъ въ юнкерское училище, ни на одинъ день не забывая своей дружбы съ сестрой.

III.

— Завтра, съ восходомъ солнца, мы выступаемъ!..

Казалось бы, молнія, внезапно упавшая съ неба, не могла сильнѣе испугать и ошеломить четырехъ, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ, женщинъ, нежели это внезапное извѣстіе.

А неожиданно появившійся на порогѣ комнаты Жоржикъ весь такъ и сіялъ молодымъ, радостнымъ оживленіемъ. Сіяли голубые Жоржикины глаза, сіяла свѣтлая улыбка, сіяли какъ будто и коротко остриженные волосы. Бросивъ на стулъ фуражку, онъ бодрыми увѣренными шагами подошелъ къ сидѣвшей у самовара матери:

— Благословите, мамочка! Завтра выступаемъ въ походъ.

— Но вѣдь гвардія...

— Вся гвардія какъ высочайшей милости просила Государя Императора двинуть ее въ первую голову, чтобы дать намъ возможность послужить Царю и Родинѣ.

— Куда... васъ отправляютъ?

— Неизвѣстно. Рѣшено даже не опубликовывать въ газетахъ маршрутовъ и расположенія войскъ. Слишкомъ много было несчастій въ послѣднюю японскую войну благодаря доставленію мельчайшихъ свѣдѣній публикѣ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Теперь правительство рѣшило поступать иначе и не оповѣщать населеніе о событіяхъ. Такъ будетъ лучше. Объ убитыхъ и раненыхъ своевременно опубликуютъ въ газетахъ. Можно будетъ узнавать о нихъ и въ главномъ штабѣ... Да, все это мелочи по сравненію съ тѣмъ взрывомъ патріотическаго восторга, который наблюдается нынче въ народѣ, и сейчасъ у насъ въ Петроградѣ. Богъ знаетъ, что дѣлается! Манифестація за манифестаціей. „Ура“ и „Боже, Царя храни“ то и дѣло смѣняются одно другимъ. Къ сербскому посоль-

ству по три раза въ сутки ходятъ, кричатъ „живіо“! Посланникъ выходилъ благодарить. Офицеровъ качали на всѣхъ перекресткахъ. Мы съ Невѣровымъ на моторѣ ѣхали; такъ остановили, сняли съ мотора. Хотѣли мы, было, убѣжать отъ незаслуженной чести,—куда тамъ! Минутъ десять качали, подбрасывали. И лица у нихъ всѣхъ такія праздничныя, счастливыя, хоть сейчасъ занести любому художнику на полотно. Самого предсѣдателя Думы въ толпѣ замѣтили у посольства; наравнѣ съ простыми манифестантами „ура“ кричалъ и пѣлъ гимнъ. А Бѣлградъ-то, все еще держится. Такіе молодчинищи, эти сербы! Герои! Богатыри! Ну, да теперь скоро конецъ ихъ мукѣ. Идемъ на помощь. Завтра будетъ опубликованъ одинъ манифестъ; а тамъ, дастъ Богъ, скоро выйдетъ и другой. Готовимъ подарки колбасникамъ. Всѣмъ по заслугамъ. Лопнуло терпѣнье; забурлила славянская кровь. Поздравляю всѣхъ васъ съ войною!

И Жоржикъ въ избыткѣ переполнявшихъ его сердце чувствъ, заключилъ въ объятія сначала мать, потомъ перецѣловалъ обѣихъ тетокъ и кинулся съ протянутыми руками къ сестрѣ.

И тутъ случилось что-то, чего никакъ не ожидали ни мать, находившаяся въ своемъ обычномъ состояніи замкнутаго спокойствія (чуть только дрогнули ея губы да скорбно изломились брови на блѣдномъ лицѣ, при извѣстіи о выступленіи въ походъ сына), ни тетки, растерянными, налившимися слезами

глазами глядѣвшія на ихъ общаго кумира. Да и сама Лелечка менѣе всего ожидала отъ себя того, что случилось сейчасъ. Безъ кровинки въ лицѣ, бѣлая, какъ батистовый воротничекъ ея лѣтней блузки, съ огромными, расширившимися зрачками, съ перекошеннымъ судорогою страданія и испуга ртомъ, она рванулась къ брату съ дикимъ, полнымъ неописуемаго отчаянія крикомъ:

— На войну? Чтобы искалѣчили? Чтобы убили, какъ папочку? Не отдамъ, не пущу! Ни-зачто не пущу!. Жоржикъ, милый мой, родной мой, братецъ любимый!—и она вся затрепетала, вся забилась, какъ слабая былинка, какъ вѣточка подъ натискомъ бури, въ обхватившихъ ее рукахъ брата, не слушая увѣщаній, отталкивая тетокъ, бросившихся къ ней со спиртомъ, водою и утѣшеніями, и продолжая кричать на весь домъ отчаяннымъ, страшнымъ голосомъ:

— Не пущу!.. не отдамъ! не могу!.. не могу!.. о, Господи... Господи!..

Тетя Юлія поспѣшила къ окнамъ и плотно закрыла ихъ, чтобы сосѣди по дачѣ (Кубанскіе проводили это лѣто въ Ораніенбаумѣ, въ сорока верстахъ отъ Петрограда) не могли слышать воплей и плача дѣвочки. Тетя Зина мочила Лелѣ о-де-колономъ виски и, то и дѣло, давала нюхать изъ маленькаго граненаго флаконочика спиртъ, и самъ Жоржикъ, бережно и братски нѣжно, гладилъ горячія какъ огонь и мокрыя отъ слезъ щеки сестры и тихо, вполголоса, говорилъ что-то о своемъ долгѣ передъ Царемъ и Родиной и о своемъ ненасытномъ стре-

мленіи вложить свою скромную лепту въ общее дѣло спасенія славянства и защиты чести дорогой родины.

Лелечка рыдала. Все—и славянство, и родина, и долгъ—казалось, отошло, вылетѣло изъ ея души и мыслей въ эти минуты отчаяннаго страха за жизнь Жоржика. Думалось только про свое, личное, кровное горе; думалось и переживалось съ такою невыразимой мукой, съ какой еще ничего не переживалось до сихъ поръ бѣдною Лелечкой.—Жоржика берутъ. Онъ выступаетъ съ зарею... Пройдетъ десятокъ-другой дней и можетъ быть... ужасъ... ужасъ!..

Все громче, все изступленнѣе дѣлались слезы. Отчаяніе опьяняло дѣвочку, свинцовой тяжестью ложилось ей въ душу. Все тускнѣло, все исчезало и казалось маленькимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ уходомъ Жоржа на войну.

— Не могу, не хочу!.. не пущу его!.. не могу!—слышались все тѣ же изступленные вопли. Тогда поднялась съ кресла величавая, спокойная фигура матери. Съ тихимъ шелестомъ чернаго платья (иного цвѣта она не носила со дня смерти мужа) подошла она къ дочери, и ея худыя, блѣдныя руки осторожно, съ ласковымъ усиліемъ, стали отрывать отъ плеча Жоржика все залитое слезами Лелино лицо.

— Тише, Елена, тише,--зазвучалъ своими металлическими нотками всегда тихій, ровный, ласковый голосъ,--перестань, дитя. Что значатъ эти горести, эти переживанья, эти частныя наши семейныя печали передъ тѣмъ, что должна пережи-

вать наша Родина, наша общая, великая, русская семья? Перестань же, слышишь, Леля!

И при этомъ ея вспыхнувшіе рѣшительнымъ огнемъ глаза напряженнымъ острымъ взглядомъ пронизывали дочь. О, какъ хотѣлось ей, испытавшей и перенесшей такое огромное горе, страдалицѣ, влить часть своихъ силъ, всыпать крупицу своей воли въ душу этого, такъ изступленно рыдающаго ребенка! Но Лелечка была неутѣшна. Судорожный комокъ сжималъ ей горло; слезы попрежнему неудержимымъ потокомъ лились у нея изъ глазъ. Глухія, отчаянныя рыданія становились съ каждой минутой все неистовѣе, все изступленнѣе. Тогда мать рѣшительно и властно обвила рукою плечи дѣвочки, насильно заставила ее подняться со стула и повела въ спальню. Здѣсь, въ бѣлой, уютной комнаткѣ, гдѣ все дышало миромъ, спокойствіемъ, Гликерія Павловна уложила рыдающую Лелю въ постель. Мягкій свѣтъ лампады, спущенныя шторы, пріятный полусвѣтъ и тихій шопотъ деревьевъ подъ окномъ Лелечкиной комнаты, — все это благотворно повліяло на настроеніе дѣвочки. А ласковыя и энергичныя руки матери, хлопочущія подлѣ нея, невольно давали Лелѣ сознаніе любви къ ней ея ненаглядной заботливой мамочки, защиты ея и поддержки. Все тише и тише звучали теперь всхлипыванія дѣвочки, и вскорѣ наплакавшаяся до полной потери силъ Лелечка безпомощно заснула, лишь отъ времени до времени вздрагивая во снѣ всѣмъ тѣломъ. Гликерія Павловна, бросивъ послѣдній взглядъ

на уснувшую дочурку, отошла въ уголъ къ иконѣ, освѣщенной тихимъ мерцаніемъ лампады. Безшумно опустилась она на колѣни передъ нею. Вся фигура женщины, за минуту до этого величавая и гордая въ своемъ замкнутомъ горѣ, теперь была вся—смиреніе, вся—безпредѣльная покорность судьбѣ. Глаза, обращенные къ лику Спасителя, были сухи, а крѣпко сжатыя губы молили беззвучно, безъ словъ вмѣстѣ съ глазами, вмѣстѣ со всѣмъ ея глубоко-потрясеннымъ существомъ матери.

Когда десятью минутами позже Гликерія Павловна вышла въ столовую, гдѣ тетки наперерывъ угощали чаемъ и ужиномъ (можетъ быть послѣднимъ!) ихъ кумира Жоржика, ея лицо снова казалось тою же мраморною непроницаемой маской, какимъ его знали всѣ за послѣдніе десять лѣтъ. Въ немъ было то же величавое спокойствіе, та же молчаливая покорность передъ неизбѣжнымъ и та же тихая увѣренность въ великой справедливости Божьяго Промысла. Вѣроятно, въ эти минуты, въ глазахъ матери было что-то особенное, что заставило Жоржика сразу подняться съ мѣста и безъ всякаго зова подойти къ ней, обнять ея высокій худой станъ и пройти такъ, обнявшись, вмѣстѣ съ нею, въ ея комнату. Что говорилось между ними, чѣмъ напутствовала Гликерія Павловна передъ походомъ любимаго сына—такъ и осталось навсегда тайной для остальныхъ членовъ семьи. И только по горящимъ глазамъ юнаго офицерика, подернутымъ влагою юношескихъ непролитыхъ слезъ, да

еще по болѣе, чѣмъ когда-либо, блѣдному лицу Гликеріи Павловны чувствовалось, что значила для матери и сына эта ихъ прощальная, передъ походомъ Жоржика, бесѣда.

IV.

Утромъ раньше всѣхъ поднялась въ домѣ снаряжать молодого барина Лукерья.

И у нея было горе, не меньшее, чѣмъ у господъ: забрали ея мужа Федора, запаснаго солдата, дворника того дома, гдѣ снимала въ Петроградѣ квартиру Гликерія Павловна Кубанская. Лукерья только весной вышла замужъ за Федора, молодого вдовца и запаснаго солдата, у котораго въ деревнѣ остались старики родители да дѣти, малъ-мала меньше, отъ первой жены. Думали, прежде, не призовутъ солдатъ его срока, а вышло иначе. Призывали и ихъ. Съ замкнутымъ горемъ въ сердцѣ провожала мужа Лукерья, не проронивъ ни одной слезы.

Федоръ, пріѣхавшій еще вчера вечеромъ сюда изъ города на дачу проститься съ женою, долженъ былъ сегодня же явиться на сборный пунктъ, туда, куда его пошлютъ. У начальства все уже было распредѣлено, расписано заранѣе, оставалось только выполнить предписаніе, данное свыше. Сейчасъ, въ ожиніи дачнаго поѣзда, Федоръ сидѣлъ на кухнѣ, въ углу, подъ образами, у стола, на которомъ Лукерья готовила обѣды и завтраки на семью Кубанскихъ, пилъ съ блюдечка кофе въ прикуску, изрѣдка поглядывая на жену, съ особеннымъ рвеніемъ хлопотавшую нынче на кухнѣ,

и бросалъ ей отъ времени до времени коротк1я фразы.

— Ты... того... Луша, не сумлѣвайся... Господь милостивъ, вернусь, можетъ, съ войны здравъ и невредимъ, когда замиреніе выйдетъ. И опять на прежнее мѣсто поступлю, старшій-то сказывалъ, что за мною мѣсто оставятъ, потому какъ за Царя и Родину службу буду на войнѣ нести... Такъ ты не приходи въ отчаянность, говорю, прежде времени, Луша.

— У нѣмца-то, сказываютъ, пушки-то однимъ ударомъ скрозь вонъ какой домина пробиваютъ, а ружейныя пули-то, слышала я, въ середкѣ какъ ни на есть страшнымъ ядомъ отравлены. И съ ероплантовъ ихнихъ гораздо они очень эти бонбы-то бросать.

При этихъ словахъ глаза Луши испуганно расширились, а губы побѣлѣли.

— Никто, какъ Господь... А Царю-Отечеству служить надо. Про пули же съ ядомъ, думается мнѣ, брешутъ больше,—солидно утѣшалъ жену Федоръ, — да и такъ, къ слову сказать, что пули? Наши-то больше на штыкъ надѣются. Къ тому же, опять возьми, что жидокъ нѣмецъ-то, щей да каши не признаетъ; твоему бабьему разуму оно, конешно, непостижимо, что войны касательно, а по военному значитъ такъ выходитъ: онъ насъ пулей, а мы ево штыкомъ, на то мы и русскіе.

— Да вѣдь пуля-то, Федя, какъ полетитъ-то... Иной разъ и сердце пробьетъ навылетъ... Мать Пресвятая Богородица, какъ помыслю объ этомъ, такъ ноги и подкащиваются!

И Лукерья, неожиданно бросивъ самоварную трубу на полъ, метнулась къ мужу, обвила руками его голову, да такъ и застыла около него, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ отъ беззвучныхъ рыданій. Минуту длилось молчаніе. Что-то тихо шептали между всхлипываніями губы Лукерьи, о чемъ-то просили, чего-то не договаривали. И слезы градомъ катились изъ сухихъ, до этой минуты, воспаленныхъ глазъ.

Прозвучалъ звонокъ изъ комнатъ и, наскоро утирая глаза передникомъ, бросилась на господскій призывъ Лукерья. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Федора. Скупая слеза скатилась по загорѣлой щекѣ и утонула, расплылась въ курчавой рыжей бородкѣ.

А часомъ позднѣе, задавивъ рыданья, съ сѣрымъ, безжизненнымъ лицомъ, Лукерья шагала объ руку мужемъ по направленію дачнаго вокзала. Тамъ было уже собрано немало другихъ запасныхъ солдатъ, живущихъ въ окрестностяхъ Ораніенбаума и подлежащихъ призыву. Ихъ провожали родители, жены, дѣти, братья, сестры, знакомые и друзья. Запасные солдатики бодро утѣшали бабъ, просили ихъ не тосковать по нимъ, уходящимъ. Женщины, по мѣрѣ силъ, удерживались отъ причитаній и слезъ. Всѣ отлично сознавали всю необходимость принести жертву дорогой Родинѣ. Плакали только несмышленыя дѣти, не понимавшія всей важности момента и никакъ не желавшія отпускать своихъ тятекъ на войну. А въ холостыхъ кружкахъ уже налаживалась пѣсня. Гдѣ-то вспыхнуло „ура“... Оно было дружно подхвачено десят-

ками голосовъ и раскатилось въ одно мгновеніе широкою, могучею волною. Зазвучали первые, отрадные каждому русскому сердцу, родные звуки народнаго гимна. И снова „ура“ мощное, сильное, покрывшее и слезы, и послѣдній грустный моментъ прощанья.

Съ этимъ же поѣздомъ всей семьей провожали и Жоржика. Плакали тетки, попрежнему изступленно рыдала Лелечка. И только мать съ застывшимъ лицомъ, съ маской кажущагося спокойствія на немъ, но съ растерзаннымъ сердцемъ, спокойно, безъ слезъ, благословила и обняла своего уѣзжавшаго любимца.

V.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю твоего спокойствія! Вѣдь и твоего папу послали на войну. Вѣдь и онъ пошелъ рисковать своимъ здоровьемъ, жизнью, а ты точно каменная! Право же, Ира, порою мнѣ кажется, что ты холодна какъ статуя, и совсѣмъ не умѣешь, чувствовать, какъ мы всѣ, какъ я, напримѣръ,— говоритъ нервно и раздражительно Лелечка своей закадычной подругѣ Иринѣ Крайской, съ которою она ѣдетъ нынче вмѣстѣ съ дачи въ городъ.

Крайскіе—сосѣди по дачѣ Кубанскихъ, и за все лѣто Лелечка и Ира, сверстницы годами, не разлучаются другъ съ другомъ ни на одинъ день. Иринъ отецъ, капитанъ одного изъ Петроградскихъ полковъ, тоже выступилъ на-дняхъ во главѣ своей роты на

театръ военныхъ дѣйствій. Само собой разумѣется, что Ирѣ было мучительно тяжело разставаться съ любимымъ отцомъ, и упрекъ Лелечки показался ей не только безтактнымъ, но и жестокимъ. Черные, глубокіе глаза Иры взглянули на Лелечку, на ея заплаканное лицо, на ея опухшія вѣки. И съ этого юнаго, такъ сильно осунувшагося за послѣднее время лица, на Иру смотрѣло безысходное отчаяніе, горе и злоба. Не слушая отвѣта подруги, Лелечка заговорила громко и возбужденно.

— Проклятые нѣмцы! Что они надѣлали?! Сколько осиротятъ они теперь семействъ, сколько погубятъ молодыхъ силъ, сколько перебьютъ народа?! И все это происходитъ по милости этого безумнаго Вильгельма, какъ пишутъ въ газетахъ, ихъ императора, вообразившаго, что онъ второй Наполеонъ, прославленный геній, которому, будто бы, суждено покорить всю Европу. Боже мой, какъ подумаю я о томъ, что десятки и сотни тысячъ людей пойдутъ по одному капризу этого безумца на вѣрную смерть, на гибель, что, можетъ быть, и... и... нашъ Жоржикъ... нашъ дорогой Жоржикъ!..

Она не договорила: слезы сдавили ей горло и рвались наружу.

Купэ вагона того поѣзда, въ которомъ ѣхали въ городъ обѣ дѣвочки, было переполнено людьми. Но Лелечка была далека отъ мысли даже стѣснять себя передъ всей этой незнакомой публикой. Развѣ горе ея не есть горе ея родины? Развѣ осталась хотя бы одна семья во всей громадной Россіи, откуда бы не

былъ взятъ на войну отецъ, сынъ, мужъ, братъ, добрый знакомый, наконецъ, добрый пріятель? Значитъ, ее поймутъ здѣсь всѣ и не осудятъ нисколько. И она тихо, не слушая увѣщаній Иры, плакала, уткнувшись лицомъ въ обивку дивана. Дѣвочки ѣхали въ Петроградъ нынче съ тѣмъ, чтобы въ часовнѣ у Спасителя отслужить молебенъ о благополучномъ возвращеніи съ войны одна—отца, другая—брата. Много такихъ молебновъ о здравіи и сохраненіи жизни дорогихъ воиновъ служилось теперь, въ это тревожное время, въ маленькомъ Петровскомъ домикѣ, на Петроградской сторонѣ. Дѣвочки между собой рѣшили совершить пѣшкомъ весь путь отъ вокзала до часовни Спасителя. Съ едва ли не часовымъ опозданіемъ, прибылъ въ Петроградъ дачный поѣздъ изъ Ораніенбаума. Леля и Ира вышли изъ вагона, подождали Лукерью, сопровождавшую ихъ въ городъ и ѣхавшую въ другомъ отдѣленіи, въ третьемъ классѣ, и всѣ трое быстро зашагали впередъ.

Яркій солнечный день, безоблачное небо, потоки іюльскаго солнца и исключительное оживленіе на улицахъ давали полное впечатлѣніе большого праздника. То здѣсь, то тамъ, въ кучкахъ собравшагося народа, вспыхивало „ура“, подхватываемое сосѣдними группами. Слышались крики: „Да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ Сербія! Долой Австрію! Долой нѣмцевъ!“ Цѣлая туча, цѣлая лавина народа заполняла Невскій. Національные и сербскіе флаги колыхались надъ десятитысячной толпой.

— Куда идете? Къ сербскому посольству?— освѣдомилась Лелечка у молоденькаго безусаго студента, несшаго флагъ съ патріотической надписью.

— Были уже тамъ. Сейчасъ къ Зимнему дворцу направляемся. Говорятъ, Государь тамъ. Можетъ быть, выйдетъ показаться народу.

— Неужели правда? Ира, ты слышишь? Государь...

Въ заплаканныхъ глазахъ Лелечки, впервые съ часа отъѣзда Жоржика, вспыхнули радостные огни.

— Пойдемъ туда, хочешь?

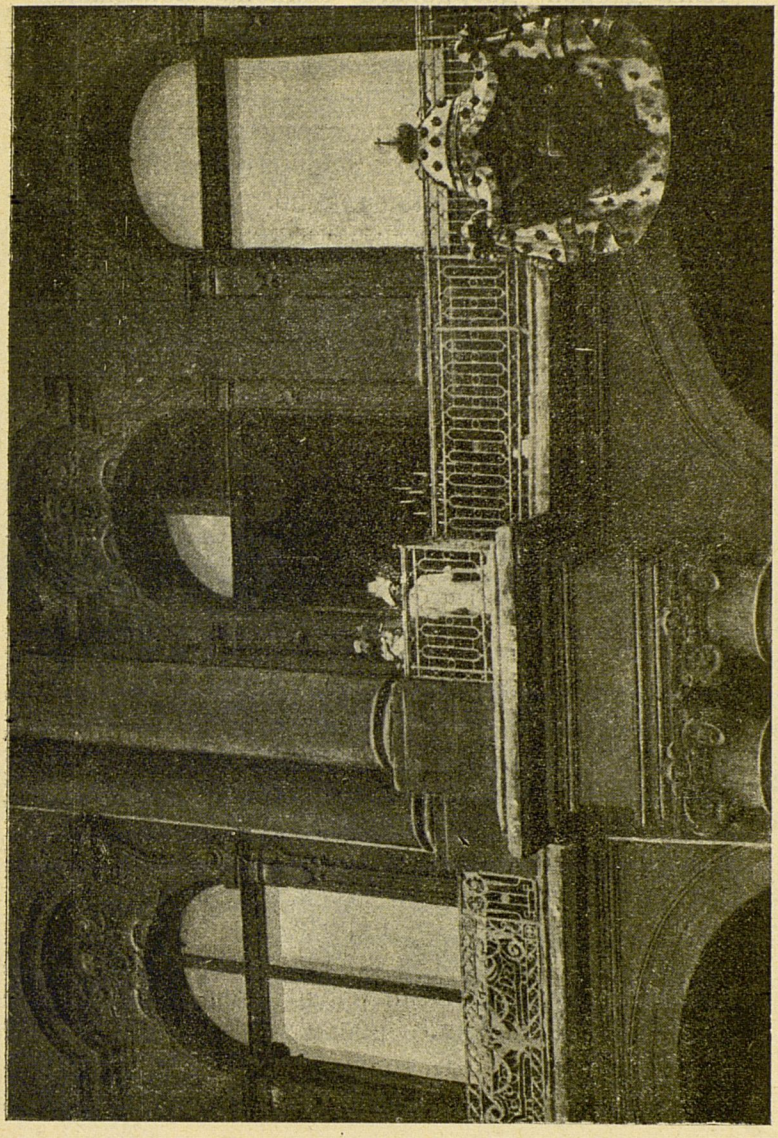
— Какіе еще могутъ быть тутъ вопросы. Идемъ, конечно!

— Не задавили бы, барышни... И вѣдь сколько народищу навалило,—страсть!—заикнулась, было, Лукерья но ее и не слушаютъ даже.

— Туда, туда! На площадь! Заодно съ толпой, заодно со всѣмъ Петроградомъ, со всей Родиной, воплотившейся въ данный моментъ въ его лицѣ!

И обѣ дѣвочки, пристроившись съ боку шествія, вмѣстѣ съ тысячами народа, зашагали по направленію къ дворцовой площади, ко дворцу. „Боже, Царя храни!“—снова вспыхивало здѣсь и тамъ и разрасталось въ одинъ мигъ громогласной волною, перекидываясь съ одного конца шествія на другой. Гулъ голосовъ, поющихъ всѣмъ знакомыя, глубоко прочувствованныя строфы гимна, разносился далеко-далеко по улицамъ столицы, по всѣмъ закоулкамъ большого города. У всѣхъ обы-

вателей его нынче были сіяющія, не поддающіяся описанію лица, обнаженныя головы, влажные глаза. А на площади, передъ Зимнимъ дворцомъ, скопилось цѣлое море народа. Все ея пространство было залито толпою. Люди сидѣли на крышахъ домовъ, на балконахъ, на окнахъ, всюду были люди. Высоко уходила въ голубое пространство Александровская колонна передъ дворцомъ. Синее небо, позлащенное іюльскимъ солнцемъ, точно улыбалось собравшемуся здѣсь народу, точно благословляло его. Казалось золотымъ желтое поле императорскаго штандарта съ фигурой Побѣдоносца, изображенной на немъ. А тамъ, подъ нимъ, вокругъ него, у пьедестала колонны, было разлито по всей площади море головъ, головъ съ сіяющими лицами, съ влажными глазами, обращенными въ темнѣющее углубленіе балкона, откуда могъ появиться Тотъ, кого такъ восторженно и радостно ждалъ собравшійся здѣсь народъ. Но вотъ мѣрно и гулко ударилъ у Исаакія большой громогласный колоколъ. За первымъ послѣдовали второй и третій удары. И полились могучіе звуки перезвона на многихъ колокольняхъ Петроградскихъ церквей. Ахнула, прогремѣла въ Петроградской крѣпости пушка; за нею вторая, третья... И въ тотъ же мигъ дрогнула вся площадь отъ неудержимаго, громового, безконечно-ликующаго, безгранично восторженнаго крика. Лавина-толпа дрогнула, поддалась впередъ, шарахнулась вправо, влѣво. Затихли выстрѣлы, и изъ широко раскры-

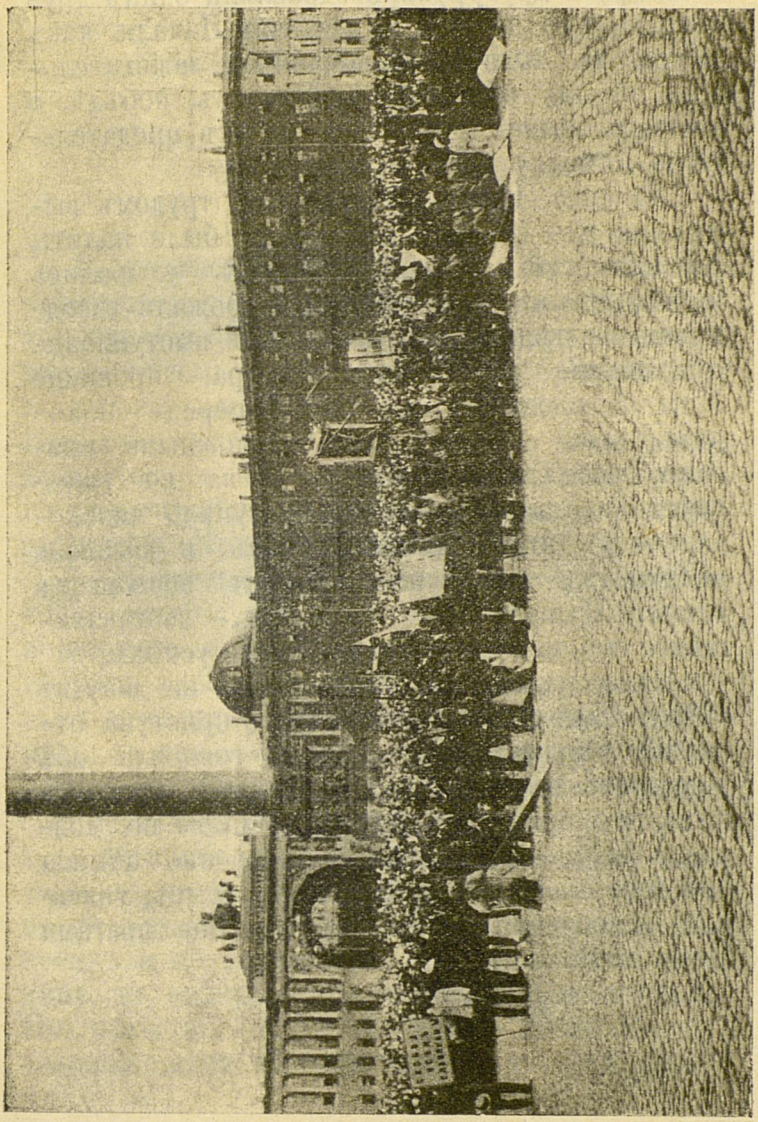


Выходъ Ихъ Величествъ къ народу.

тыхъ дверей дворцоваго балкона показалась хорошо знакомая и безконечно дорогая каждому русскому сердцу фигура Государя. За Нимъ слѣдовала Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна. Вся площадь, затихшая было передъ выходомъ на балконъ Императорской четы, теперь разразилась снова не поддающимся описанію, буйнымъ, стихійнымъ крикомъ, сплошнымъ гуломъ безудержнаго восторга, говорившаго о преданности и любви къ Царю-Отцу его сына-народа. Казалось, этотъ ликующій стихійный крикъ огласилъ весь городъ. И вотъ, подъ эти звуки, подъ возбужденно-радостное, многогласное, громовое „ура“, всѣ находившіеся на площади люди опустились на колѣни.

Государь склонилъ голову. Торжественнымъ и взволнованнымъ казался Онъ въ эти минуты. Какія слова произносили Его губы — никто изъ присутствующихъ не зналъ, не слышалъ. Ликующіе крики восторженной многотысячной толпы заглушали все. Но и въ самомъ молчаніи этомъ, между обожаемымъ Монархомъ и колѣнопреклоненнымъ народомъ шла, казалось, нѣмая бесѣда, нѣмой договоръ, который, лучше всякихъ словъ, служилъ высшимъ доказательствомъ ихъ взаимной любви другъ къ другу, Державнаго Русскаго Царя и его славнаго народа.

И долго еще не стихали привѣтственные крики толпы. Долго не расходился народъ съ Дворцовой площади. Сіяющими глазами смотрѣли люди въ глаза другъ-другу. Незнакомые казались друзьями, чужіе — пріятелями. Пожи-



Манифестація передъ Зимнимъ Дворцомъ.

мали другъ-другу руки, поздравляли одинъ другого, какъ родные братья и сестры. Падали, какъ искры, въ толпу взволнованныя, зажигательныя фразы объ увѣренности въ побѣдѣ, о скоромъ возмездіи нѣмцамъ за ихъ предательскую выходку противъ насъ.

Лелечка, Ира и Лукерья съ трудомъ вырвались изъ толпы. Ихъ глаза были налиты слезами, губы у всѣхъ троихъ улыбались и радостнымъ возбужденіемъ дрожали взволнованные голоса. Жоржикъ, его выступленіе, отправленіе на войну Федора, прощаніе Иры Крайской съ ея отцомъ передъ походомъ, муки страха передъ возможными ужасами, свое личное горе и тоска по ушедшимъ—все стушевалось и отступило далеко-далеко въ этотъ памятный часъ и казалось мелкимъ и ничтожнымъ передъ восторгомъ сліянія Царя съ его народомъ, заставлявшимъ твердо вѣрить въ побѣду и успѣхъ.

И вернувшись къ себѣ домой на дачу къ обѣду, Лелечка уже безъ остраго приступа отчаянія, безъ рыданій и слезъ говорила объ ушедшемъ на войну любимомъ братѣ. Она поняла, что иначе онъ не могъ, да и не долженъ былъ, поступить. И искренно цѣнила она теперь его молодой, смѣлый порывъ, увлекшій юношу сражаться съ лютыми врагами Царя и Родины.

Герой.

(Рождественскій разсказъ).

I.

У ротмистра Левадова и его жены въ рождественскій сочельникъ—гости. Пришли: корнетъ Кузнецовъ, великій мастеръ показывать фокусы; корнетъ Фишеръ, чистенькій, гладенькій нѣмецъ; вольноопредѣляющійся Вадимовъ, молоденькій и веселый, какъ ребенокъ, товарищъ и закадычный другъ, несмотря на разницу лѣтъ, Вили Левадова—кадета, сына ротмистра. Пришли и дамы.

— Господа, прошу сначала поужинать и чайку выпить, чѣмъ Богъ послалъ, а потомъ и поиграть и поплясать можно. Елку у насъ, по разъ и навсегда установленному обычаю, зажигаютъ ровно въ двѣнадцать ночи,—говорилъ съ любезной улыбкой ротмистръ Левадовъ, бравый, сорокалѣтній офицеръ съ мелкой просѣдью въ густыхъ черныхъ волосахъ и со шрамомъ во всю щеку. Ротмистръ служилъ въ пограничной стражѣ и на его обязанности лежало слѣдить, чтобы никто не переносилъ и не перевозилъ товаровъ черезъ границу, не оплаченныхъ таможенной пошлиной. Но извѣстно, что встрѣчается много людей, занимающихся тайнымъ провозомъ всевозмож-

ныхъ иностранныхъ издѣлій—контрабандой. И эти отчаянные смѣльчаки вступаютъ нерѣдко въ открытую борьбу съ пограничной, вооруженной командой. Шрамъ на лицѣ ротмистра былъ слѣдомъ ножевого удара, нанесеннаго ему однимъ изъ такихъ, спасавшихся отъ преслѣдованія контрабандистовъ. Давно, лѣтъ пять тому назадъ, отъ извѣстнаго всей этой мѣстности Иванки Баронка, главнаго вождя и воротилы всей Н—ской контрабанды получилъ ротмистръ Левадовъ этотъ ножевой ударъ. Самъ же Иванка увернулся, скрылся, оставивъ на лицѣ браваго офицера неизгладимый шрамъ на всю жизнь. Рана давно зарубцевалась и обратилась въ простую бѣлую полоску, идущую отъ виска къ лѣвой ноздрѣ; но открытое, честное, симпатичное лицо Алексѣя Васильевича ни мало не потеряло своей привлекательности вслѣдствіе этого шрама.

Встали изъ-за ужина довольно поздно и прошли въ гостиную — большую, просторную комнату. Ольга Владимировна, супруга ротмистра сѣла за рояль и заиграла красивый, модный вальсъ— „Осеннія мечты“.

— Ваше высокоблагородіе! Ваше высокоблагородіе!—неожиданно доносилось съ порога комнаты, по адресу хозяина дома, —извольте выйти въ кухню; вахмистръ тамъ, ваше высокоблагородіе, дожидается по очень важному дѣлу,—неслышною тѣнью появившись въ дверяхъ, докладываетъ денщикъ Чернощепкинъ. Въ мигъ обрывается пѣвучая мелодія и „Осеннія

мечты“ разлетаются, какъ встревоженныя птицы. По лицу Чернощепкина замѣтно, что случилось нѣчто необычайное.

— Прошу извиненія господа...—брякнувъ шпорами, говоритъ ротмистръ и идетъ въ кухню. Онъ возвращается оттуда спустя нѣсколько минутъ съ озабоченнымъ лицомъ и встревоженнымъ взглядомъ.

— Я долженъ еще разъ извиниться, господа, но мнѣ необходимо сейчасъ же отлучиться изъ дома. Контрабандисты во главѣ самого Иванки Баронка, нашего стараго знакомаго, рѣшили перейти нынче, пользуясь святочнымъ, праздничнымъ вечеромъ, границу, съ товарами и надо, во чтобы-то ни стало, ихъ подкараулить и изловить. Вы же продолжайте веселиться, господа. Черезъ часъ я и корнетъ Фишеръ, котораго я беру съ собою, будемъ обратно и присоединимся къ вамъ.

— А мы, Вадимовъ и я, развѣ не понадобимся мы вамъ, господинъ ротмистръ? спросилъ своего начальника Кузнецовъ.

— Нѣтъ, господинъ корнетъ, на этотъ разъ мы справимся одни. Развѣдчики донесли мнѣ, что контрабандисты нынче собираются въ самомъ скромномъ числѣ. Главный же интересъ сосредоточенъ на этомъ разбойникѣ Иванкѣ, котораго необходимо нынче же изловить. Мои молодцы великолѣпно, надѣюсь, справятся съ этой задачей. А вы, пока что, Кузнецовъ и Вадимовъ, развлекайте дамъ и барышень, старайтесь не давать имъ волноваться. Вѣдь право же, маленькая горсточка контрабандистовъ—ничто передъ моими молодцами-сол-

датиками. Чернощепкинъ, давай мнѣ скорѣе пальто, саблю и револьверъ въ кобурѣ,—приказалъ денщику Алексѣй Васильевичъ.

Ротмистръ потелъ переодѣться. Его жена послѣдовала за нимъ, встревоженная этой неожиданной охотой на контрабандистовъ, да еще подъ самый праздникъ—въ рождественскій сочельникъ, который всѣ приготовились встрѣтить такъ беззаботно и радостно въ интимномъ кружкѣ близкихъ знакомыхъ. Молодежь оставалась въ гостиной. Всѣ казались очень озабоченными новымъ появленіемъ знаменитаго Иванки, проводившаго и не разъ самыхъ опытныхъ пограничниковъ и выкидывавшаго такія неожиданныя по ловкости, хитрости и проворству, штучки, что весь постъ, все пограничное населеніе было невольно заинтересовано личностью удалого и неуловимаго контрабандиста.

— Ахъ, если бы вы знали только, что это за ловкачъ!—восторженно говорила Надя Кузнецова, сестра молоденькаго корнета—и безстрашный онъ и отчаянный на диво. Ничего не боится. Разъ онъ переодѣлся, напримѣръ, нашимъ же пограничнымъ стражникомъ и прошелъ незамѣченнымъ черезъ постъ.

— И, представьте, даже при дневномъ свѣтѣ,—вторила ей ея младшая сестра Маня.

— Ахъ, какъ мы съ мамашей боялись тогда,—вступила въ разговоръ третья барышня, гостья.

— Вотъ ужъ неправда,—вскричалъ Виля Левадовъ, юный хозяинъ дома и сѣрые глаза его вспыхнули;—ничего страшнаго въ немъ нѣтъ и

никогда и не было даже. Онъ, правда, ловкій, хитрый парень, но бояться его просто смѣшно. Если бы можно было, то я попросилъ бы у папы револьверъ и тоже пошелъ бы въ „секретъ“ съ нашими солдатиками на поимку Иванки.

— А не струсилъ бы?—лукаво прищурился на мальчика Вадимовъ.

— Ну вотъ еще!—и сѣрые глаза вспыхнули ярче, а губы презрительно улыбнулись. Виля словно выросъ въ эту минуту и выпрямился, какъ стрѣлка, желая показаться совсѣмъ большимъ. Вдругъ быстрая какъ молнія мысль, промелькнула въ головѣ мальчика. А что, если доказать имъ всѣмъ его, Вилину, храбрость не голько на словахъ, но и на дѣлѣ? Что, если попросить отца взять его, Вилю, съ ихъ пограничнымъ отрядомъ? Вѣдь онъ, Виля, можетъ даже быть полезенъ. Онъ поможетъ открыть мѣстопребываніе опаснаго контрабандиста. Вѣдь онъ меньше ихъ всѣхъ ростомъ и менѣе другихъ будетъ замѣтенъ зоркимъ глазомъ Иванки и его товарищей, а такимъ образомъ и онъ внесетъ свою лепту въ общее дѣло. Да не даромъ же онъ—сынъ своего отца и самъ будущій офицеръ. О, если бы только убѣдить папу взять его съ собою. Ипри одной мысли объ этомъ уже пріятная дрожь охватываетъ юнаго кадетика. Незамѣтно исчезаетъ онъ изъ гостиной и прокрадывается къ отцу. Тотъ, уже совсѣмъ готовый, при саблѣ и кобурѣ съ револьверомъ, отдаетъ послѣднія приказанія вахмистру.—Ты, Силантьевъ, заляжешь съ полувзводомъ подъ кустами у канавы, а Иртенко отправишь за холмъ. Понялъ меня?

— Такъ точно, понялъ, ваше высокоблагородіе,—отчеканиваетъ тотъ.

— И чтобы живымъ, здравымъ и невредимымъ доставить мнѣ этого разбойника! Слышишь, братецъ?

— Такъ точно, слышу, ваше высокоблагородіе.

— Ступай! А тебѣ что надо здѣсь, Викторъ?—неожиданно замѣтивъ сына, спросилъ Алексѣй Васильевичъ.

— Папа, голубчикъ, родной, милый, возьми ты меня съ собою, я тоже хочу ловить Иванку. Ради Бога возьми,—взмолился, чуть ли не со слезами, Виля.

— Да вѣдь рано тебѣ, клопъ ты этакій, въ нашихъ экспедиціяхъ участвовать,—засмѣялся ротмистръ, ущипнувъ румяную щеку сына,—вѣдь револьвера тебѣ я и въ руки не дамъ!..

— Я монтекристо возьму, папочка, мое монтекристо, оно безопасно вполнѣ. И съ нашими стражниками засяду въ секретѣ.

— А шальная пуля?—уже серьезно и тревожно напомнилъ отецъ,—вѣдь Иванка Баранокъ не изъ тѣхъ, кто даромъ станетъ отдавать свою свободу. Вспомни это, мой мальчикъ.

— Но я не встану, не выйду изъ засады, папочка, пока ты мнѣ самъ не позволишь.—продолжалъ просить молящимъ голосомъ Виля,—я при Михайлѣ Скоргучѣ неотлучно находиться буду... Онъ не пуститъ меня въ опасное мѣсто, ты же знаешь!..

Михайло Скоргучъ — пожилой стражникъ, отслужившій уже вторую службу на Н-скомъ

посту былъ кѣмъ-то въ родѣ дядьки при юномъ Вилѣ Левадовѣ, когда тотъ пріѣзжалъ изъ корпуса на каникулы домой, и ему-то уже, во всякомъ случаѣ, ротмистръ Левадовъ могъ вполнѣ спокойно довѣрить сына. Послѣ недолгихъ колебаній позвали Скоргуча и поручили его попеченію и заботамъ юнаго добровольца Вилю. Мать, было, запротестовала противъ такого рѣшенія и воли отца, отказывалась отпускать въ опасное, по ея мнѣнію, предпріятіе мальчика, но самъ Левадовъ успокоилъ жену.

— Ничего, Оленька, не случится съ нашимъ героемъ. Къ тому же онъ у насъ будущій военный; пускай же пріучается съ малолѣтства, на практикѣ, къ нашей службѣ. А что касается опасности, то будь спокойна, Михайло его въ обиду не дастъ, и нашъ Виля будетъ, какъ у Христа за пазухой, у него подъ крылышкомъ.

Скрѣпя сердце, Ольга Владимировна дала свое согласіе, и Виля, задыхающійся отъ восторга, важно промаршировалъ передъ гостями въ тепломъ тулупчикѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ монтекристо черезъ плечо, вызывая возгласы удивленія со стороны дамъ и барышень. Онъ уже и сейчасъ чувствовалъ себя настоящимъ героемъ.

II.

Темная, теплая и сырая Декабрьская ночь... Мѣсяцъ, то скрывается за тучами, то выплываетъ снова, свѣтя невѣрнымъ, причудливымъ

свѣтомъ сквозь непрерывную мелкую сѣть дождя. Отрядъ ротмистра Левадова раздѣлился. Часть его ушла за ближніе холмы, часть залегла въ кустахъ близъ канавы. Съ этою послѣднею былъ и Виля. Но онъ находился здѣсь въ полной безопасности, какъ увѣрялъ уходившаго съ другою частью пограничниковъ ротмистра, Михайла Скоргучъ. Виля присѣлъ въ сторонѣ отъ „секрета“, на мокромъ отъ дождя и недавняго снѣга пнѣ и глубоко задумался. Воображеніе мальчика рисовало ему самыя соблазнительныя картины. Онъ—Виля (въ мечтахъ, конечно!) нападаетъ первый на слѣдъ Иванки, находитъ его... Они схватываются не на жизнь, а на смерть... Борьба... тяжелое дыханіе... скрежетъ зубовъ... Наконецъ, ему—Вилѣ удается повалить Иванку на землю... Врагъ побѣжденъ... Виля крикомъ сзываетъ солдатъ... Тѣ сбѣгаются... Вяжутъ Иванку и здравымъ и невредимымъ доставляютъ его на постъ... Онъ—Виля, герой... Его хвалятъ, его поздравляютъ. О его подвигѣ доносятъ въ Петроградъ. Вилю отличаютъ царской наградой, монаршей милостью. И когда онъ возвращается въ корпусъ, всѣ уже знаютъ о его геройскомъ поступкѣ и у всѣхъ на устахъ теперь его имя,—имя молодого героя.

— А, что, соколикъ, какъ пройтить мнѣ къ Н-скому пограничному посту, родимый. Къ сыну на побывку изъ деревни иду... Мы—дальніе. Сына моего, чай знаешь, соколикъ, онъ въ стражникахъ здѣшнихъ состоитъ; Николай Вихлякъ ему имя, слыхалъ, небось? Такъ вотъ

праздничекъ Христовъ и иду къ нему вмѣстяхъ встрѣтить, соколикъ, укажи дороженьку. Мы не тутошныя, мы издалеча...

Виля, глубоко ушедшій въ свои золотыя мечты, вздрагиваетъ отъ неожиданности, замѣтивъ передъ собою древнюю сгорбленную старуху съ котомкой за плечами и съ большимъ, увѣсистымъ узломъ въ рукахъ. Тяжелая и длинная палка у нея въ рукѣ; на нее крѣпко упирается старуха. Виля отлично знаетъ взводнаго Вихляка, браваго молодца солдатика, взятаго изъ Средней Россіи и охотно указываетъ старухѣ дорогу къ казармѣ, гдѣ живетъ этотъ самый Вихлякъ.—Иди все прямо, бабушка, и потомъ сверни налѣво. Видишь, тамъ огоньки горятъ. Это и есть казармы постовыя. Сейчасъ Вихляка нѣтъ тамъ. Онъ ушелъ за холмы на поимку Иванки-контрабандиста. Да ты иди, ничего, бабушка, онъ черезъ часъ назадъ вернется твой Николай,—убѣжденно закончилъ Виля.

— Что жъ по твоему касатикъ, такъ ужъ скоро и добудутъ они Иванку? не то удивленно, не то съ любопытствомъ освѣдомилась старуха.

— Понятно, добудутъ,—еще болѣе убѣжденно произнесъ Виля.

— Ну давай Богъ! Давай Богъ! произнесла старуха и добавила, помолчавъ съ минуту:

— Давай вамъ Богъ изловить удальца Иванку, а только не вѣрится мнѣ что-то, касатикъ, чтобы дался онъ вамъ такъ въ руки живымъ. Слыхала я и отъ сына и по пути отъ другихъ добрыхъ людей наслышана, что смѣлости да ловкости не занимать стать у этого самаго

Иванки. Ну, прощай касатикъ, живи здоровенекъ, еще, можетъ, повидаемся съ тобой на посту у моего Николая.--И, отвѣсивъ низкій поклонъ Вилѣ, старуха заковыляла, опираясь на палку, тяжелой, старческой походкой.

— Бабушка! не туда идешь! Бери налѣво, видя, что она мѣняетъ направленіе и идетъ совсѣмъ въ противоположную отъ казармъ сторону, крикнулъ Виля, забывшій совершенно то обстоятельство, что въ засадѣ должно прежде всего соблюдать полную тишину.

— Чего кричишь-то, Вилинька? Аль случилось что, обратился къ нему полоспѣвшій въ эту минуту Скоргучъ, только что выкуривпій на днѣ канавы свою любимую трубку... Но мальчикъ не успѣлъ отвѣтить ни слова солдату. Въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій... Еще и еще... И тотчасъ же всюду замелькали огоньки потайныхъ фонарей. При свѣтѣ ихъ засуетились, забѣгали стражники... Поднялась суета.. Послышались крики:—Держи!.. Лови!.. Не упускай!.. Вонъ впереди... Прицѣливайся... Стрѣляй въ ноги... не выпускай... Пали ребята! Съ противоположнаго конца уже несся конный отрядъ стражниковъ. Съ ними былъ и самъ ротм. Левадовъ.

— Стрѣляй, братцы!—скомандовалъ Алексѣй Васильевичъ. Снова прогремѣлъ залпъ и далъ отвѣтила ему, раскатистымъ эхо. Но и эти выстрѣлы остались безъ результата. Хитрый и ловкій Иванка успѣлъ скрыться подъ видомъ древней старухи, сумѣвшій провести и обмануть неопытность и довѣріе [illegible] или, рыдавшаго сейчасъ отъ досады, отчаянія и стыда.

Ровно въ двѣнадцать, какъ всегда, Левадовы зажигали елку. Молодежь была весела и оживлена попрежнему и барышни и молодые люди. Одинъ только Виля мучился и страдалъ нестерпимо. Острая досада и злость на самого себя рѣшительно не давали покоя бѣдному мальчику. „Герой“, нечего сказать, какой выискался,— казнилъ себя мысленно юный кадетикъ—выдумалъ тоже Иванку ловить, а самъ важнаго и опаснаго контрабандиста отъ старой бабы отличить не умѣетъ. Да, и отца подвелъ и самъ осрамился навѣки.

Мрачнѣе тучи оставался весь этотъ вечеръ мальчикъ. А когда свѣчи на елкѣ догорѣли и гости разошлись по домамъ, хозяева же разбрелись по своимъ комнатамъ, Виля, терзаемый угрызеніями совѣсти, пробрался въ спальню отца и вылилъ на его груди свое горе.

Ротмистръ Левадовъ, какъ могъ, утѣшалъ сына, обѣщая ему дать возможность исправить оплошность и взять его въ ближайшее же „дѣло“ съ собою. Но Виля только молча покачивалъ на всѣ эти доводы и утѣшенія головою.—Глупъ я еще, видно, молодъ я, папочка. сознался мальчикъ отцу,—и рано мнѣ воображать себя „героемъ“ и мечтать совершать геройскіе подвиги.—И онъ опустилъ въ землю смущенные глаза.

Открыта подписка на 1915 годъ,
на
ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
для дѣтей и юношества
„ДРУГЪ ШКОЛЫ".

Журналъ дастъ въ теченіе года 48 отдѣльныхъ книжекъ, составляющихъ полную и интересную библіотечку для чтенія въ семьѣ и школахъ (церковно-приходскихъ, начальныхъ, сельскихъ, младшихъ классахъ среднихъ учебн. заведеній).

24 книжки будутъ содержать законченные разсказы, повѣсти, пьесы и проч. въ прозѣ и стихахъ.

24 книжки—посвящены законченнымъ статьямъ по священной исторіи, отечествовѣдѣнію, природовѣдѣнію, практическимъ знаніямъ, искусству, ручному труду, сельско-хозяйственнымъ и ремесленнымъ работамъ, играмъ въ школѣ и дома, библіографіи книгъ для дѣтей и юношества и др.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:
проф. В. М. Грибовскій, М. А. Грибовская, С. К. Гриневъ, Н. Ѳ. Зезюлинскій, В. Имшенецкій-Лукашевичъ, А. П. Кашинъ, И. В. Ковалевская, прив.-доц. **В. В. Лермонтовъ, Е. Д. Лермонтова, К. В. Лукашевичъ, В. А. Мазуркевичъ, О. Маръ,** графиня **М. Н. де-Рошефоръ, Ѳ. А. Тарапыгинъ, Л. А. Чарская** и др.

Иллюстраціи — **Е. П. Лебедевой, И. И. Панова** и др.

Ознакомляя своихъ юныхъ читателей съ подвижническою жизнью святителей Православной Церкви, съ подвигами русскихъ воиновъ-богатырей, съ дѣятельностью лучшихъ русскихъ людей, и вообще съ исторіей, современной жизнью и населеніемъ родины и ея природными богатствами, **„Другъ Школы"** будетъ стремиться пробудить въ дѣтяхъ искреннюю и сознательную любовь къ Россіи и всему русскому.

Отдѣлъ дѣтскаго труда охватитъ всѣ работы, какъ сельско-хозяйственныя, такъ и домашнія, доступныя и рекомендуемыя дѣтямъ, и будетъ хорошо иллюстрированъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, помѣщая статьи по различнымъ отраслямъ знаній, изложенныя вполнѣ понятнымъ для дѣтей языкомъ, **„Другъ Школы"** будетъ стремиться къ развитію у дѣтей любви къ знаніямъ, полезному труду, къ природѣ и ея явленіямъ.

Отдѣлъ дѣтскихъ игръ будетъ въ исчерпывающей

8468

полнотѣ знакомить со всѣми полезно примѣняемыми играми дял умственнаго и физическаго развитія дѣтей, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ школахъ.

Особое вниманіе журнала „**Другъ Школы**“ будетъ обращено на беллетристическій отдѣлъ. „**Другъ Школы**“, предлагая своимъ юнымъ читателямъ рядъ разсказовъ, повѣстей, пьесъ и стихотвореній, не будетъ запугивать ихъ вымышленными ужасами или приключеніями, угнетающими молодое неокрѣпшее сердце и ослабляющими здоровую жизнерадостность, столь необходимую для нормальнаго развитія дѣтей. „**Другъ Школы**“ будетъ искренно говорить съ дѣтской душой, стремясь принести ей пользу и отдыхъ.

„**Другъ Школы**“ въ особомъ **библіографическомъ отдѣлѣ** будетъ своевременно знакомить со всею достойной вниманія дѣтскою литературою, какъ русскою, такъ и иностранною.

Съ особымъ вниманіемъ нашъ журналъ будетъ прислушиваться къ просьбамъ и совѣтамъ подписчиковъ, открывъ **особый справочный отдѣлъ** для отвѣтовъ на вопросы подписчиковъ и читателей.

Преслѣдуя исключительно образовательныя и воспитательныя цѣли, „**Другъ Школы**“, въ случаѣ, если подписка дастъ ожидаемый успѣхъ, выпуститъ особыя безплатныя приложенія, о которыхъ будетъ объявлено послѣ 1-го Марта 1915 года.

Подписная цѣна на журналъ „**Другъ Школы**“ со всѣми приложеніями и съ доставкой:

Городскимъ и загороднымъ:		Заграничнымъ:
За годъ . . . . 3 р. — к.		За годъ . . . . 6 р. — к.
За полгода. . . 1 р. 75 к.		За полгода. . . 3 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго нумера 20 коп.

Редакторъ-издатель *Кириллъ Губинскій.*

Подписка принимается въ конторѣ журнала:

Петроградъ, Владимірскій пр. № 7, при книжномъ магазинѣ К. Н. Губинскаго.

Типографія К. Н. Губинскаго, Загородный 38.